

Огюстен Тьерри РАССКАЗЫ О ВРЕМЕНАХ МЕРОВИНГОВ

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ. Четыре сына Клотера I-го. — Нрав их и браки. — История Галесвинты. (561–568)

В нескольких льё от Суассона, на берегах небольшой реки, лежит деревня Брень. В VI веке она была одной из тех огромных ферм, в которых короли франкские держали свой двор, предпочитая их лучшим городам Галлии. Королевское жилище не представляло воинственного вида замков средних веков: то было обширное строение, окруженное портиками римской архитектуры, иногда деревянное, тщательно выстроганное и украшенное довольно щеголеватой резьбой¹. Вокруг главного здания располагались в порядке жилища дворцовых чинов, или из варваров, или римского происхождения, и тех начальников дружин, которые, по германскому обычаю, вступили с своими войнами в службу короля на

¹ Venantii Fortunati Carmen, т. 1, стр. 326, издание Luchi.

особых условиях подчиненности и верности ². Другие дома, меньшего размера, заняты были большим числом семейств, в которых мужчины и женщины занимались всякого рода ремеслами от мастерства золотых дел и выделки оружия до тканья и кожевенного дела, от вышивания шелком и золотом до самого грубого прядения льна и шерсти.

Семейства эти большей частью происходили от Галлов, родившихся или на том участке, который присужден был королем себе на долю при дележе завоевания, или насильно переведенных с женами и детьми из какого-либо соседнего города, для заселения королевского поместья. Однако, судя по собственным именам, в числе этих семейств были также Германцы и другие варвары, которых предки пришли в Галлию вслед за победоносными дружинами, в качестве работников или слуг. Впрочем, эти семейства, без различия ремесла или происхождения, все считались в одном разряде и носили одно ими литов, на языке германском, и фискальских, т. е. приписанных к фиску или казне, на языке латинском ³. Сельские хозяйственные

² См. *pactum legis Salicae*, apud. *script. rer. gallic. et franc.*, т. IV, стр. 159; а также, *Marculf. Form.*, стр. 475.

³ Лит, *lite*, *lide*, *lete*, *late*, на разных наречиях

строения, конские заводы, хлевы, овчарни и житницы, лачуги земледельцев и избы поместных рабов дополняли королевскую усадьбу, совершенно подобную, хотя в большем размере, волостям древней Германии. Самое положение этих королевских местопребываний несколько напоминало зарейнские виды: усадьбы эти большей частью были расположены на опушке, а иногда и в самой середине обширных лесов, в последствии истребленных, но остаткам которых дивимся мы еще и поныне.

Брень была любимым местопребыванием последнего из сыновей Клодовига, Клотера, даже и тогда, когда смерть троих его братьев доставила ему королевскую власть на всем протяжении Галлии. Там сберегал он, в потаенной комнате, огромные сундуки за тройными замками, в которых хранились сокровища его: золотая монета, сосуды и драгоценности; там совершал он важнейшие свои

древнегерманского языка означало человека низкого или последнего звания, хлебопашца, крепостного. Люди эти, вероятно, были потомки покоренных племен; по-английски *little*, малый, *lesser*, меньший, *last*, последний; по-немецки *letze* последний. — Фиск, с латинского *fiscus*, означало во времена римской империи государственную казну. См. *Recueil des historiens de la France et des Gaules*, т. IV, и *Considérations sur l'histoire de France*, гл. V.

государственные дела: созывал соборы епископов галльских городов, принимал чужестранных послов и председательствовал на больших собраниях франкского народа, за которыми следовали пиры по образцу сохранившихся в преданиях тевтонского племени, пиры, на которых зажаренные кабаны и дикие козы целиком подавались на стол, а по четырем углам комнаты стояли откупоренные бочки⁴. Пока война с Саксами, Бретонами или септиманийскими Готфами не отзывала Клотера вдаль, он катался из одного поместья в другое, переезжал из Брени в Атиньи, из Атиньи в Компьен, из Компьена в Вербери, уничтожая поочередно запасы, заготовленные в каждом из королевских поместьев потешаясь с своими франкскими людьми, *leudes*⁵ охотой, рыбной ловлей или купаньем, и вербуя многочисленных любовниц между дочерьми фискальских семейств.

⁴ Vita S. Vedasti, apud script. rer. gallic. et franc., т. III, стр. 573.

⁵ Leude, leute, liude, собственно означало на древних германских наречиях людей, народ; иногда имя это придавалось членам королевской дружины. — Здесь употреблено слово: люди, в един. людин, основываясь на авторитете Карамзина; см. Ист. Госуд. Росс., т. II, стр. 67 (изд. Эйнерлинга).

Нередко эти женщины из ряда наложниц переходили, без малейшего затруднения в звание его супруг и королев.

Таким образом Клотер, которого браки трудно распределить и перечислить, женился на Ингонде, девушке самого низкого рода. Впрочем, он не покинул своих распутных привычек, которые она, как жена и рабыня, переносила с величайшей покорностью. Он очень любил ее и жил с ней в совершенном согласии; однажды она ему сказала: «Король, господин мой, сделал из рабыни все, что ему было угодно и призвал меня разделять с ним ложе; он довершил бы эти великие милости, если бы исполнил ее просьбу. В числе слуг твоих у меня есть сестра, по имени Арегонда; дай ей, прошу тебя, мужа храброго и богатого, дабы не терпела я за нее посрамления». Просьба эта, подстрекнув любопытство короля, возбудила его сластолюбивые вожделения; он в тот же день отправился в поместье, где жила Арегонда, занимаясь изготовлением и крашением тканей, ремеслами, предоставленными в то время женщинам. Клотер, найдя, что она по крайней мере так же красива, как и сестра ее, взял ее с собой, водворил в королевских покоях и возвел в сан своей супруги. Через несколько дней, он пришел к Ингонде, и сказал ей с лукаво-добродушным видом, равно свойственным его собственному и вообще германскому характеру:

«Я не забыл о милости, которую ты так откровенно у меня просила: искал для сестры твоей мужа богатого и разумного, но лучше себя никого не нашел. Узнай же, что я сделал ее своей супругой; я думаю, тебе это не будет противно». — Да исполнится воля государя моего; как будет ему угодно, отвечала Ингонда, нисколько не смутившись и отнюдь не выходя из своей покорности и супружеского смирения: — лишь бы меня, рабыни своей, не лишил он милости⁶.

В 561 году, после похода на одного из своих сыновей, которого, в наказание за возмущение, Клотер приказал сжечь с детьми и женой, возвратился он в свои бренские хоромы, спокойный духом и совестью. Он занялся тут приготовлениями к большой осенней охоте, бывшей у франков особенным торжеством. С толпой людей, лошадей и собак, король отправился в Кюизские леса, от которых Компьенский лес, в нынешнем его виде составляет последний, ничтожный остаток. Там, среди этих тяжелых упражнений, несвойственных его летам, он заболел лихорадкой, приказал перенести себя в ближайшее свое поместье и умер

⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., lib IV, apud. script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 205.

там после пятидесятилетнего царствования ⁷ . Четыре сына его, Гариберт, Гонтран, Гильперик и Сигберт, проводили отцовский гроб в Суассон, пели псалмы и несли восковые факелы.

Едва погребение было совершено, как третий из четырех братьев, Гильперик, поспешил в Брень и заставил стражей королевского поместья выдать себе ключи от сокровищ. Овладев богатствами, собранными отцом его, он начал с того, что роздал часть их предводителям дружин и воинам, жившим в Брени и ее окрестностях. Они клялись ему в верности ⁸, пожимая его руки, провозгласили его конингом и обещали следовать за ним всюду, куда бы он ни повел их ⁹. Тогда, предводительствуя ими,

⁷ стр. 214.

⁸ Greg. Turon., Hist. Franc., lib. IV, apud. script. rer. gallic. et franc. т. II, стр. 205.

⁹ Верховный вождь и судья древних Франков, избравшийся в одном и том же роде, назывался коннингом. Слово это имеет одинаковое значение с словом heri-zoghe, воевода, которое показывало только низшую степень власти. На языке завоевателей северной части Галлии, король назывался «конингом»; это слово сохранилось без изменения в голландском языке. Впрочем значение слова конинг или кининг гораздо обширнее нынешнего значения слова король. Альфред в посланиях своих к диктатору Цесарю, генералу

он пошел прямо на Париж, старинное местопребывание Клодовига I-го, а впоследствии столицу королевства старшего сына его, Гидельберта.

Может быть с обладанием города, бывшего некогда местопребыванием завоевателя Галлии, Гильперик соединял мысль о первенстве; может быть, он имел в виду только присвоение императорского дворца, занимавшего строениями и садами своими обширное пространство на левом берегу Сены ¹⁰. Предположение это весьма правдоподобно, потому что честолюбивые замыслы франкских королей не простирались далее личного и немедленного стяжания. — Впрочем, Гильперик, все еще сохраняя резкий отпечаток германского варварства, необузданные страсти и безжалостную душу, отчасти любил уже и римскую образованность: охотно строился, потешался зрелищами в деревянных цирках, и в довершение

Бруту и консулу Октавию, называет всех из без различия конингами; в переводах с латинского языка Евангелия, вместо слова гех, царю Ироду дают попеременно титул конинга и герцога. См. *Lettres sur l'histoire de la France*, соч. Тьерри, письмо IX.

¹⁰ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, apud. script. rer. gallic. et franc. т. II, стр. 214.

всего имел притязание быть грамотеем, богословом и стихотворцем. Его латинские вирши, редко подчинявшиеся правилам метра и просодии, находили восторженных поклонников между благородными галлами, которые рукоплескали им с трепетом, восклицая, что знаменитый сын Сикамбров превзошел изяществом языка сынов Ромула, и что река Вагал послужит образцом самому Тибру¹¹.

Гильперик вступил в Париж без всякого сопротивления и разместил своих воинов в башнях, защищавших мосты этого города, в то время окруженного Сеной. — Но прочие три брата, узнав о таком внезапном нападении, соединились против того, который самовольно хотел захватить долю отцовского наследия, и быстрыми переходами пошли на Париж с большими силами¹². Гильперик не дерзнул противостать им и, отказавшись от своего предприятия, подчинился условиям

¹¹ Venantii Fortunati carmin., lib. IX, стр. 560 и 580. — Greg. Turon., Hist. Franc., lib. IV, apud. script. rerum gal. et franc. т. II, стр. 291. — Вагал — местное название верхней части реки Мааса (Tacit. Ann. liv. II, № VI).

¹² Greg. Turon., Hist. Franc., apud script. rerum gal. et franc. т. II, стр. 214.

полюбовного раздела. Этот раздел всей Галлии и значительной части Германии совершен был по жребию, подобно тому, как полвека назад поделились между собой сыновья Клодовига. Составлено было четыре доли, соответствовавшие, с небольшими изменениями, четырем участкам, носившим наименования королевства Парижского, королевства Орлеанского, Нейстрии и Австразии.

На долю Гариберта выпал участок дяди его Гильдеберта, то есть королевство названное по имени города Парижа; оно простиралось полосой от севера к югу и заключало в себе Санли, Мелён, Шартр, Тур, Пуатье, Сент, Бордо и города пиренейские. Гонтран получил, с Орлеанским королевством, уделом дяди своего Клодомира, всю землю Бургундов, от Соны и Вогезских гор до Альпов и Прованского моря. Долю Гильперика составило владение отца его — королевство Суассонское, которое франки называли Неостер-рик (Neoster-rik) или западным королевством, граничившее к северу Шельдой, к югу течением Луары. Наконец, восточное королевство, или Остер-рик (Oster-rik) досталось на долю Сигберта, соединившего таким образом в своем участке Оверн, весь северо-запад Галлии и Германии, до рубежей Саксов и Славян ¹³.

Впрочем, города, кажется, считались отдельно, и только число их послужило основанием в составлении этих четырех участков потому что независимо от странности подобного поземельного раздела, встречается много черезполосных владений, образование которых невозможно объяснить иначе. Таким образом, Руан и Нант причислены к гильперикову королевству, а Авранш к королевству Гариберта, владевшего Марселью; Арль принадлежал Гонтрану, а Авиньон Сигберту. Наконец, Суассон, столица Нейстрии, был как бы окружен четырьмя городами, Санли и Мо, Ланом и Реймсом, принадлежавшими двум королевствам, Парижскому и Австразийскому.

Когда жребий определил каждому особую часть городов и поместий, братья, присягнув на мощах святых угодников, обещали довольствоваться своей долей и не захватывать лишнего ни силой, ни хитростью. Клятва эта скоро была нарушена: Гильперик, воспользовавшись отсутствием брата своего, Сигберта, воевавшего в Германии, напал врасплох на Реймс и овладел как им, так и многими другими соседними городами. Но он не долго пользовался этим завоеванием: Сигберт, возвратившись победителем из-за Рейна, отнял один за другим свои города, и преследуя

брата до самых стен Суассона, разбил его и овладел столицей Нейстрии. — Имея общий характер варваров, у которых горячность пылка, но не продолжительна, братья примирились и снова поклялись не предпринимать ничего друг против друга. Оба они были буйны, заносчивы и мстительны; — напротив того, Гариберт и Гонтран, будучи старше и не так пылки, любили мир и спокойствие. Вместо грубой и воинственной осанки своих предков Гариберт любил принимать спокойный и несколько мешковатый вид властей, которые в галльских городах творили суд по римским законам. — Он даже имел притязание слыть знатоком в законоведении и никакая лесть не была ему так приятна, как похвала его судейской ловкости в разборе запутанных дел, или искусству, с каким он, германец по языку и происхождению, изъяснялся и спорил по-латыни¹⁴. В характере короля Гонтрана, обыкновенно кроткое и почти патриархальное обращение, по странной противоположности, соединялось с порывами внезапной ярости, достойной лесов Германии. Однажды, за потерянный им охотничий рог, он предал пытке многих свободных людей; в другой раз велел умертвить благородного франка по

¹⁴ Venant. Fortun. carm., стр. 560.

подозрению в убийстве буйвола в королевском поместье. — В минуты хладнокровия, он показывал некоторое чувство порядка и законности, особенно выразившееся в его религиозном усердии и покорности епископам, которые в те времена были живым образцом благочиния.

Напротив того, король Гильперик, род полудикого вольнодумца, подчинялся только своей прихоти, даже в тех случаях когда дело касалось церковных догматов и католической веры. — Власть духовенства для него была нестерпима, и он находил особенное наслаждение уничтожать завещания, составленные в пользу монастыря или церкви. — Нравы и поведение епископов были главным предметом его застольных острот и шуток; одного он честил безмозглым, другого бесстыдником, того болтуном, а этого сластолюбцем. Возрастанию несметных богатств, которыми обладала церковь, влиянию в городах епископов, воспользовавшихся со времени владычества варваров, большей частью прав прежнего муниципального управления, — всему завидовал Гильперик, не находя средств присвоить их себе. Вырывавшиеся у него жалобы были не без основания, он говаривал часто: «Наша казна беднеет, достояние наше отходит на церкви!

Истинно царствуют в городах одни епископы¹⁵».

Все вообще сыновья Клотера I-го, кроме Сигберта, самого младшего, были в высшей степени невоздержны: они почти никогда не довольствовались одной женой, покидали супруг своих без всякого сожаления, тотчас после брака, и потом снова возвращали их к себе, по минутной прихоти. Благочестивый Гонтран менял жен своих почти так же часто, как и оба другие брата, и подобно им тоже держал наложниц, из которых одна, по имени Венеранда, была дочь галла, приписанного к фиску. — Король Гариберт разом взял себе в любовницы двух сестер удивительных красавиц, бывших в числе прислужниц супруги его, Ингоберги; одна из них называлась Марковефа и была в монашестве; другая звалась Мерофледой; обе они были дочери ремесленника, занимавшегося выделкой шерсти, родом варвара, и притом лита королевского поместья¹⁶.

Ингеберга, ревнуя своего мужа к двум этим женщинам, употребляла все возможные старания отстранить его от них, но не успела. Не смея однако ни оскорбить своих соперниц, ни прогнать их,

¹⁵ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 219.

¹⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 215.

Ингоберга придумала хитрость, посредством которой надеялась отворотить короля от недостойной связи. Она призвала отца этих молодых девушек и заставила его на дворцовом дворе расчесывать шерсть. Когда он работал, трудясь изо всех сил, чтоб выказать свое усердие, королева, стоявшая у окна призвала мужа: — «Поди сюда» — сказала она: — «посмотри, какая тут новость». — Король подошел, поглядел во все глаза и, не видя ничего, кроме чесальщика шерсти, нашел, что шутка ни куда не годится и рассердился ¹⁷. За тем произошло горячее объяснение между супругами и произвело действие совершенно противное тому, которого ожидала Ингоберга: она была отвергнута, а король женился на Мерофледе.

Вскоре, найдя, что одной законной жены ему не довольно, Гариберт торжественно возвел в сан супруги и королевы бедную девушку, по имени Теодегильду, дочь пастуха. Спустя несколько лет, Мерофледа скончалась и король поспешил вступить в брак с сестрой ее, Марковефой. Этим он впал, по церковным законам, в двойное святотатство, как двоеженец, и как супруг женщины, принявшей монашество. Решительно отказавшись от

¹⁷ стр. 215 и след.

требования парижского епископа, святого Жерменя, расторгнуть второй брак, он был отлучен от церкви. Но тогда не настало еще время, когда дикая гордость наследников завоевания склонялась пред строгостью церкви: Гариберт не устрасился такого приговора и оставил при себе обеих жен своих¹⁸.

Из всех сыновей Клотера, современные рассказы приписывают Гильперiku наибольшее число королев, то есть, жен, сочетавшихся с ним по французскому закону, кольцом и динарием. У одной из таких королев, по имени Авдоверы, была в услужении молодая девушка, франкского происхождения, по имени Фредегонда, одаренная такой примечательной красотой, что король полюбил ее с первого взгляда. Эта любовь, столь лестная для служанки, ставила ее однако в опасное положение, потому что подвергала ревности и мщению госпожи. Но Фредегонда этого не страшилась: будучи столько же хитра, как и честолюбива, она задумала, не подвергая себя опасности, подвести законные причины для разлучения короля с Авдоверой. Если верить преданию, ходившему сто лет спустя, она в том успела, благодаря потворству епископа и простоте королевы. Гильперик, соединившись с братом

¹⁸ стр. 215 и след.

своим, Сигбертом, отправился за Рейн, против народов саксонского союза; он оставил Авдоверу беременной уже несколько месяцев. Королева родила дочь прежде его возвращения, и не зная, крестить ли ее в отсутствии мужа, советовался с Фредегондой, которая, вполне обладая искусством скрытничать, не возбуждала в королеве ни подозрения, ни недоверчивости. — «Государыня», — отвечала служанка: — «когда король, господин наш, возвратится с победой, увидит ли он радостно дочь свою не окрещенной¹⁹». Королева послушалась совета, и Фредегонда начала готовить тайными происками сети, в которых хотела уловить ее.

Когда наступил день крестин, — в час, назначенный для совершения обряда, крестильня украшена была тканями и цветами; епископ, в святительских ризах, уже дожидался; но восприемница, благородная франкская женщина, не являлась, и ее ждали напрасно. Королева, смущенная такой помехой, не знала, на что решиться, как вдруг Фредегонда, стоявшая, близ нее, сказала: — «Что беспокоиться о крестной матери? Нет никого достойнее вас быть

¹⁹ Gesta reg. Franc., apud script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 561.

восприемницей вашей дочери; послушайте меня, будьте ей сами крестной матерью²⁰.» — Епископ, вероятно, подговоренный заранее, совершил таинство крещения, и королева удалилась, не поняв, какое последствие имел для нее духовный обряд, ею исполненный.

По возвращении короля Гильперика, все молодые девушки королевского поместья вышли встречать его, с цветами и пением хвалебных стихов. Фредегонда, подойдя к нему, сказала: — «Возблагодарим Господа за то, что король, господин наш, одержал над врагами победу, и что Бог даровал ему дочь! Но с кем господин мой проведет эту ночь? Королева, госпожа моя, — теперь кума твоя и крестная мать дочери своей, Гильдесвинды!» — Если не могу ночевать с нею, то лягу с тобой, весело отвечал король²¹». Под портиком дворца, Гильперик встретил жену свою, Авдоверу, с младенцем, которого она с горделивой радостью подала мужу; но король сказал ей с притворным сожалением: — «Жена, в простоте ума своего ты совершила преступление; отныне не можешь быть моей супругой.» — И как бы строгий

²⁰ стр. 561.

²¹ *Gesta reg. Franc.*, т. II, стр. 561.

блуститель церковных законов, король наказал ссылкой епископа, крестившего его дочь, а королеву заставил немедленно с собой разлучиться и, как вдову, принять монашество. В утешение, он подарил ей многие земли в окрестностях Манса (Mans), принадлежавшие фиску; и за тем женился на Фредегонде; отверженная королева, при шуме пирований этого нового брака, отправилась в обитель, где, через пятнадцать лет, была умерщвлена по приказанию прежней своей служанки.

Между тем как трое старших сыновей Клотера жили таким образом в распутстве и совокуплялись браками с служанками, самый младший, Сигберт, не подражая их примеру, питал стыд и омерзение к разврату. Он решился иметь только одну супругу и притом избрать ее из королевского рода ²². Атамагильд, король Готов, водворившихся в Испании, имел двух дочерей на-возрасте, из которых меньшая, по имени Брунегильда, особенно славилась красотой; на нее-то пал выбор Сигберта. Многочисленное посольство с богатыми дарами отправилось из Меца в Толедо, просить у короля Готов руки его дочери. Глава посольства, Гог, или правильнее Годегизель, палатный мэр Австразии,

²² Gesta reg. Franc., т. II, стр. 216.

человек искусный в переговорах, успешно исполнил возложенное на него поручение и привез из Испании невесту короля Сигберта. Всюду где ни проезжала Брунегильда, во время долгого путешествия своего на север, она прославилась, по свидетельству одного современника, прелестью обращения, красотой, благоразумием речей и приятным разговором.

Сигберт полюбил ее и в продолжение всей своей жизни сохранил к ней страстную привязанность.

Торжество бракосочетания совершено было с великой пышностью, в 566 году, в королевском городе Меце. Вся знать Австразийского Королевства приглашена была королем принять участие в празднествах этого дня. Съехались в Меце, со своими людьми и конями, графы городов и правители северных провинций Галлии, патриархальные вожди прежних франкских племен, оставшихся за Рейном, и герцоги Аллеманов, Баваров и Торингов, или Тюрингов²³. На этом оригинальном сборище встречались разные степени образованности и варварства. Тут были и благородные Галлы, вежливые и вкрадчивые, и благородные Франки, надменные и суровые, и

²³ Gesta reg. Franc., т. II, стр. 216.

настоящие дикари, одетые в звериные кожи, поражающие грубым видом и обращением. Брачный пир был великолепен и оживлен весельем; столы уставлены были золотыми и серебряными блюдами с резьбой, плодами воинственных грабежей; вино и пиво беспрестанно лилось в кубки, украшенные дорогими камнями, и в буйволодые рога, из которых обыкновенно пивали Германцы. В обширных покоях дворца раздавались задравные крики и приветствия пьющих, громкий говор, хохот, все шумное выражение тевтонской веселости. За удовольствиями свадебного стола последовала другая, более утонченная забава, доступная лишь немногим собеседникам.

При дворе австрийского короля находился тогда Итальянец Венанций-Гонорий-Клеметтиан Фортунат, путешествовавший в то время по Галлии и всюду принимаемый с великим почетом. Он был человек ума поверхностного, но приятного, занесший из своей родины остаток той римской утонченности, которая тогда почти уже утратилась по ту сторону Альпов. Представленный королю Сигберту теми из австразийских епископов и графов, которые любили еще прежнюю образованность и о ней жалели, Фортунат удостоился милостивого гостеприимства при полу-варварском мецском дворе. Управляющим королевской казной приказано было отвести ему

помещение, снабжать продовольствием и лошадьми²⁴. В изъявление своей благодарности, он сделался придворным стихотворцем и посвящал королю и вельможам латинские стихотворения, которые, правда, не всегда были для них понятны, хотя они и принимали их с удовольствием и хорошо за них отплачивали. Брачные празднества не могли обойтись без эпиталамы: нанций Фортунат написал ее в классическом вкусе и прочел перед странной толпой, его окружавшей, с таким же важным видом, как-будто он всенародно читал ее на Траяновой Площади, в Риме²⁵.

В этом произведении, единственное достоинство которого заключается в том, что оно есть последний и слабый отблеск римского остроумия, Венера и Амур, два неизбежные лица всякой эпиталамы, являются с своей принадлежностью стрел, факелов и роз. Амур поражает стрелой прямо в сердце короля Сигберта и спешит поведать своей матери это великое торжество. «Мать, — говорит он: — «я кончил битву!» — Тогда богиня и сын ее летят по воздуху в град Мец, вступают во дворец и убирают цветами

²⁴ Venantii Fortunati carm., т. II, стр. 528.

²⁵ стр. 487.

брачную комнату. Тут возникает между ними спор о достоинстве обоих супругов; Амур стоит за Сигберта, которого называет новым Ахиллом, а Венера отдает предпочтение Брунегильде, изображая ее следующим образом:

«О дева! Удивление мое и обожание супруга! Брунегильда, ты светлее и блистательней эфирной лампы! Игра алмазов уступает блеску лица твоего; — ты другая Венера, и приданое твое владычество красоты. Ни одна из nereид, плавающих в морях иберийских, в источниках Океана, не может с тобой сравниться; нет Напеи прекраснее тебя, и нимфы речные склоняются перед тобою! Млечная белизна и ярчайший богрянец — цвет лица твоего: лилеи, перевитые с розами, золото, сотканное с пурпуром, не могут с ним сравниться, и уступают ему поле битвы. Победены сафир, алмаз, кристалл, изумруд и яшма; Испания призвала на свет новый перл²⁶».

Эти общие места из мифологии и трескотня звонких, но почти без всякого смысла слов, понравились королю Сигберту и тем из франкских вельмож, которые, подобно ему, кое-как понимали латинские стихи. В сущности, главные вожди варваров не питали решительной вражды к

образованности. Они охотно принимали то, что принять были способны; но этот наружный лоск утонченности встречал такие закоренелые, дикие привычки, характеры до того свирепые, что не мог глубоко укорениться. Притом, за высшими лицами, которая только одни, из тщеславия или по аристократическому инстинкту, подражали обращению прежнего туземного дворянства и искали его беседы, следовала ватага франкских воинов, подозревавших в подлости всякого, кто умел читать, если только он не был испытан ими на деле. Они при малейшем поводе к войне тотчас снова принимались грабить Галлию, как-будто во времена первого вторжения; похищали и плавили драгоценные церковные сосуды, и в самых гробницах даже искали золота. В мирное время главнейшее занятие их состояло в изобретении разных козней, с целью обобрать своих соседей галльского происхождения, или в нападениях по большим дорогам, с копьями или мечами, на тех, кому желали отомстить. Самые миролюбивые проводили время в чищении оружия, охоте или пьянстве. Угощая их вином, у них все можно было выманить, даже обещание покровительствовать посредством короля тому или другому искателю на открывшееся епископство.

Беспрестанно тревожимые такими пришельцами, никогда не покойные ни за себя, ни

за свое имущество, члены богатых туземных фамилий теряли душевное спокойствие, без которого погибают науки и искусства, или же увлеченные примером и каким-то инстинктом грубой независимости, которую даже образованность не может искоренить из человеческого сердца, они обращались к варварской жизни, и презирая все, кроме физической силы становились буйными и заносчивыми. Подобно франкским воинам, они нападали на своих врагов по ночам, в их жилищах или на дорогах, и никогда не выходили из дому без германского кинжала, называвшегося скрамасакс, или предохранительный нож. Таким образом, от одной силы обстоятельств исчезли в Галлии, в течение полутора века, и умственное развитие и утонченность нравов, без всякого участия в этой плачевной перемене какой-либо злобной воли, или систематической вражды против римской цивилизации²⁷.

Брак Сигберта, его пышность и особенный блеск, приданный ему высоким саном молодой супруги, произвели, по свидетельству современных сказаний, сильное впечатление на ум короля

²⁷ Greg. Turon., Hist. Franc., lib IV, т. II, стр. 227. — lib. IX, стр. 342. — lib. IV, стр. 210.

Гильперика. Ему казалось, что в кругу своих наложниц и жен, с которыми сочетался он, по обычаю древних германских вождей, без больших церемоний, он ведет жизнь не столь благородную, как младший брат его. Подобно ему, Гильперик решился избрать себе супругу высокого рода, и желая во всем подражать брату, отправил посольство к королю Готов просить руки старшей его дочери, Галесвинты. Но это искание встретило препятствия каких не было для послов Сигберта. Слух о распутствах нейстрийского короля проник в Испанию; будучи образованнее Франков и более тверды в евангельском учении, Готы громко говорили, что король Гильперик живет язычником. С своей стороны, старшая дочь Атанагильда, от природы робкая и грустная, характера кроткого, трепетала при мысли ехать так далеко и принадлежать подобному человеку. — Мать ее, Гоисвинта, нежно ее любившая, разделяла отвращение, страх и печальные предчувствия дочери. Король колебался и откладывал решительный ответ со дня на день. Наконец, торопимый послами, он отказался от заключения с ними какого-либо договора, пока король их клятвенно не обяжется удалить всех своих жен и жит с новой супругой по закону Божию. Гонцы отправились в Галлию и возвратились с положительным обещанием короля Гильперика

оставить всех королей и наложниц, если только он получит достойную себя супругу и дочь короля²⁸.

Двойной союз с королями Франков, естественными соседями и врагами короля Атанагильда, обещал ему столько политических выгод, что он перестал колебаться и, обнадеженный уверениями Гильперика, приступил к заключению условий брачного союза. — Тогда начались споры, с одной стороны, о приданом, которое принесет с собой будущая супруга, с другой о том, что она получит в утренний дар от своего мужа после первой ночи брака. По обычаю, принятому у всех народов германского происхождения, действительно, супруг, при первом пробуждении новобрачной, делал ей какой-либо подарок в замену ее девственности. Сущность и ценность этих подарков были весьма разнообразны: дарили то деньгами или драгоценными вещами, то упряжкой волов или коней, скотом, домами, или землями; но что бы ни было предметом подарка, он всегда назывался одинаково утренним даром, *morgen-gabe*, или *morgana-ghiba*, смотря по разным наречиям германского языка. Переговоры о браке короля Гильперика, с сестрой Брунегильды, замедляемые пересылкой гонцов, длились до 567 года; они еще

²⁸ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 217.

не были приведены к окончанию, когда случившееся в Галлии происшествие облегчило их заключение.

Гариберт, старший из четырех франкских королей, оставил окрестности Парижа, обыкновенное свое местопребывание, и переехал в одно из своих поместий, близ Бордо, насладиться климатом и произведениями полуденной Галлии. Там он умер почти скоропостижно; смерть его произвела в государстве Франков новый переворот в поземельном разделе. Лишь только закрыл он глаза, как одна из жен его, Теодегильда, дочь пастуха, захватила королевские сокровища и, желая сохранить титул королевы, отправила к Гонтрану предложение на ней жениться. — Король очень милостиво принял послание и отвечал с видом искреннего чистосердечия: — «скажите ей, чтоб поспешала прибыть с своими сокровищами, ибо желаю вступить с ней в брак и возвеличить ее в глаза народов; я хочу даже, чтобы она пользовалась при мне большим почетом, нежели при покойном моем брате ²⁹ .» Обрадованная таким ответом, Теодегильда велела нагрузить повозки мужниным богатством и отправилась в Шалон-на-Соне, местопребывание короля Гонтрана. Но по приезде

²⁹ стр. 216.

ее, король вовсе не занимаясь ею, осмотрел клад, пересчитал повозки и велел взвесить сундуки; потом сказал окружавшим его: — «Не лучше ли сокровищам этим принадлежать мне, нежели этой женщине, которая не стоила чести, какую оказал ей брат мой, приняв на свое ложе³⁰»? Все были согласны с этим мнением; сокровища Гариберта сложены были в сохранное место, а ту, которая нехотя сделала ему такой прекрасный подарок, король велел проводить в Арльский монастырь под прикрытием.

Никто из братьев Гонтрана не оспаривал у него обладания деньгами и драгоценностями, которые он присвоил этой хитростью; им предстоял спор с ним и между собой о предметах более важных. Вместо четырех частей, надлежало раздробить галльскую землю на три доли, и с общего согласия разделить города и области, составлявшие королевства Гариберта. Это новое распределение сделано было еще страннее и беспорядочнее первого. Париж разделен был на-трое и каждый из братьев получил по равной части. В избежание опасности от нечаянного нападения, ни один из них не должен был вступать в город без согласия двух других, под страхом

³⁰ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 216.

потери не только своей доли Парижа, но и всей части гарибертова королевства. Это условие было утверждено торжественной клятвой на мощах трех уважаемых угодников, Илария, Мартина и Полиевкта, гнев которых призывался в здешней и будущей жизни на голову того, кто изменит своему слову³¹.

Подобно Парижу был разделен город Санли, но только на две части. Из других городов, вероятно про расчислению взимаемых с них повинностей, но впрочем без всякого внимания к их взаимному положению, составлено было три доли. От этого географическая запутанность увеличилась еще более прежнего; чрезполосные владения умножились; королевства были между собой, так сказать, перебиты. Король Гонтран получил, по жребию, Мелён, Сент, Ангулем, Ажан и Перигё. Мо, Вандом, Авранш, Тур, Пуатье, Альби, Консеран и ниже-пиренейские округа выпали на долю Сигберта. Наконец, Гильперуку, кроме многих городов, которых историки не называют, достались Лимож, Кагор, Дакс в Бордо с разрушенными ныне городами Бигор и Беарн и округами Верхних Пиренеев.

Восточные Пиренеи не входили тогда в состав

³¹ стр. 295.

земель, подвластных Франкам, а принадлежали испанским Готам и служили сообщением с их землями в Галлии, простиравшимися от реки Оды до Роны. — Таким образом, нейстрийский король, не имевший до того времени ни одного города к югу от Луары, сделался ближайшим соседом короля Готов, своего будущего тестя. — Это взаимное их отношение положило новое основание брачному договору и вслед за тем повлекло окончательное его заключение. — В числе городов, доставшихся Гильперiku, некоторые были на границе атанагильдова королевства, другие рассеяны в Аквитании, области, отнятой у Готов Клодовигом Великим. Выговорить для своей дочери, в случае ее вдовства, эти города, утраченные предками Атанагильда, было делом ловкой политики, и король Готов не упустил этого из виду. Гильперик, по недостатку соображений более дальновидных, чем временная выгода, а, может быть, из желания заключить во что бы ни стало брачный союз с Галесвинтой, обещал, ни мало ни колеблясь, подарить на случай вдовства, и в виде утреннего дара, Лимож, Кагор, Бордо, Беарн и Бигор с их округами ³². При тогдашней сбивчивости понятий германских народов о праве

³² Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 344.

поземельной собственности и верховной власти, города эти могли со временем отойти из-под франкского владычества; но нейстрийский король не предусматривал так далеко. — Думая лишь об одном, он желал только выговорить себе, в замену своих уступок, богатое приданое деньгами и драгоценными вещами. Когда статья эта была окончательно условлена, то не представлялось более препятствий и брак был порешен.

При всех обстоятельствах этих долгих переговоров, Галесвинта не переставала питать сильного отвращения к человеку, которому ее предназначали и тревожилась смутными опасениями на счет своей будущности. Ее не могли успокоить обещания, данные франкскими послами от имени короля Гильперика. Когда ей объявили, что участь ее решена невозвратно, она в ужасе подбежала к своей матери, и обвив ее руками, как дитя, ищущее спасения, более часа держала ее в объятиях и безмолвно плакала³³. Франкские послы явились приветствовать невесту своего короля и испросить приказаний ее насчет отъезда; но, увидев двух женщин, рыдающих на груди друг у друга и обнявшихся так крепко, как-будто они были связаны одна с другой, послы, при всей своей

³³ Venantii Fortunati carm., стр. 561.

суровости, были тронуты и не смели говорить о путешествии. Два дня они обождали, а на третий снова явились к королеве, объявив в этот раз, что спешат отъездом, и напомнив о нетерпении своего короля и продолжительности странствия. Королева плакала и просила для своей дочери еще два дня отсрочки. Но на другой день, когда ей сказали, что все готово к отъезду: «Еще денек, отвечала она, и больше просить не буду; знаете ли, что там, куда вы везете дочь мою, там у ней не будет матери³⁴»? — Но уже все возможные задержки были истощены; вмешался Атанагильд, как король и отец, и, не смотря на слезы королевы, Галесвинту сдали на руки тем, которым поручено было отвезть ее к будущему супругу.

Длинная вереница всадников, колымаг и повозок с кладью проехала по улицам Толедо и направилась к северным воротам. Король, верхом, проводил поезд своей дочери до моста, устроенного на Таго, в некотором расстоянии от города; но королева не могла вернуться так скоро и захотела провожать далее. Оставив свою колесницу, она пересела к Галесвинте, и, день-за-день, от привала до привала, невольно проехала более ста миль расстояния. — Всякий день она говорила: «Вот до

того места хочу доехать», но, достигнув его, ехала дальше. — По приближении к горам, дороги сделались трудны, она этого не заметила и хотела продолжать путь. Но так как сопровождавшие ее люди, увеличивая поезд, умножали путевые затруднения и опасности, то готские вельможи решились не пускать свою королеву ни одной мили дальше. Надлежало покориться неизбежной разлуке, и новые трогательные сцены, однако более спокойные, нежели прежде, повторились между матерью и дочерью. Королева нежными словами выразила свою горесть и материнские опасения: — «Будь счастлива», — сказала она: — «но я старшусь за тебя; берегись, дочь моя, берегись...»³⁵. При этих словах, столь согласных с собственными предчувствиями Галесвинты, она заплакала и отвечала: — «Так Богу угодно; я должна покориться;» — и они расстались.

Многочисленный поезд раздвоился; всадники и повозки разделились: одни продолжали следовать вперед, другие возвращались в Толедо. Не входя в колесницу, которая должна была отвезти ее обратно, королева Готов остановилась на краю дороги, и устремя взоры на повозку дочери, стояла неподвижно и все на нее глядела, пока повозка не

³⁵ Venantii Fortunati carm., стр. 562.

скрылась в отдалении за изгибами дороги. Галесвинта, грустная, но покорная своей доле, продолжала путь свой на север. Ее свита, состоявшая из вельмож и воинов обеих наций, Готов и Франков, проехала Пиренеи, потом города Нарбон и Каркассон, все еще не выходя из пределов готского королевства, владения которого простирались до этих мест; потом, через Пуатье и Тур, она направилась к городу Руану, где предназначено было совершить бракосочетание³⁶. Перед воротами каждого большого города поезд останавливался и все готовилось к торжественному въезду: всадники сбрасывали с себя дорожные плащи, открывали сбрую своих коней и вооружались щитами, привешенными к седельной луке. Невеста нейстрийского короля оставляла тяжелую дорожную повозку и садилась в парадную колесницу, окованную серебром и возвышавшуюся в виде башни. Современный стихотворец, у которого заимствованы эти подробности, видел вшествие Галесвинты в Пуатье, где она несколько дней отдыхала; он говорит, что все удивлялись пышности ее экипажа; но о красоте ее³⁷, он не

³⁶ Adirani Valesii. rer. Franc., стр. 24.

³⁷ Venantii Fortunati carm., стр. 562.

упоминает.

Между тем, Гильперик, верный своему обещанию, развелся с своими женами и распустил любовниц. Даже Фредегонда, самая красивая и наиболее любимая из всех, которых он возвел в королевский сан, не могла избежать общего изгнания; она покорилась с притворным самоотвержением, с такой готовностью, которая могла бы обмануть человека более хитрого, ежели король Гильперик. Она, казалось, искренно сознавала и необходимость развода, и непрочность союза короля с такой женщиной как она, и обязанность уступить место королеве, действительно достойной этого сана. Она только выпросила, как последнюю милость, не покидать дворца и вступить по-прежнему в число женщин, составлявших королевскую прислугу. Под этой личиной смирения скрывалось глубокое коварство и женское честолюбие, которых нейстрийский король нисколько не стерегся. С того дня, как ему припала мысль жениться на королевской дочери, ему казалось, что он уже более не любит Фредегонды и не замечает красоты ее; душа его, как и всех вообще варваров, не была способна к восприятию вдруг разнообразных впечатлений. И так, без всякого тайного умысла, вовсе не по слабости сердца, но просто от недостатка рассудительности, он дозволил прежней своей

возлюбленной остаться при себе, и в том же доме, где должна была поселиться новая его супруга.

Бракосочетание Галесвинты было отпраздновано с такой же пышностью и великолепием, как и сестры ее, Брунегильды, и даже оказаны были новобрачной необыкновенные почести; все нейстрийские Франки, вельможи и простые воины, клялись ей в верности, как самому королю. Став полукругом, они обнажили мечи, и, потрясая их в воздухе, произнесли старинную языческую клятву, обрекавшую острию меча того, кто нарушит слово. Наконец сам король торжественно повторил обещание супружеской верности и постоянства; и возложив руку на руку с мощами, он поклялся никогда не разводиться с дочерью короля Готов, и пока жива она, не брать себе другой супруги.

На брачных празднествах, Галесвинта в обращении с гостями отличалась любезностью и добротой; принимала их как будто давно была с ними знакома; одним предлагала подарки, других приветствовала кроткими, ласковыми речами; все уверяли ее в преданности и желали ей долгой и счастливой жизни. Эти желания, которым не суждено было сбыться, провожали ее до самой опочивальни: встав на другой день, она получила утренний дар, с обрядами, установленными германскими обычаями. В присутствии избранных

свидетелей, король Гильперик взял правой рукой руку новой своей супруги, и бросив на нее из левой руки соломину, произнес громким голосом имена тех пяти городов, которые отныне должны были принадлежать королеве. Вслед за тем составлена была на латинском языке дарственная запись на вечное и неоспоримое ими владение; она не дошла до нас; но, руководствуясь принятыми формами и обыкновенным складом других памятников времен Меровингов, легко можно представить себе ее содержание:

«Поелику Бог повелел, да оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут оба в плоть едину, и да не разлучатся те, кого соединил Господь, — я, Гильперик, король Франков, муж именитый, тебе, Галесвинта, возлюбленная жена моя, сочетавшаяся со мной по закону салийскому, солидом и динарием, дарую ныне, по нежной любви моей, яко вечно и утренний дар, города: Бордо, Кагор, Лимож, Беарн и Бигор, с их землями и жителями³⁸. Почитай их от сего дня своей собственностью, и владей ими вечно; вручаю их тебе, передаю и утверждаю за тобой этой грамотой, как ознаменовал уже я соломиной и

³⁸ Formul. Bignon., apud script. rer. gallic. стр. 539. — Greg. Turon., Hist. Franc. т. II, стр. 344.

рукопожатием (*handelang*)³⁹».

Новая королева провела первые месяцы брака, если не счастливо, то по крайней мере спокойно; кроткая и терпеливая, она с самоотвержением переносила все, что было грубого и строптивного в характере ее мужа. При том, сам Гильперик питал к ней некоторое время настоящую привязанность; сначала полюбил он ее из тщеславия, имел в ней супругу столь же высокого рода, как и братнина, потом, пресытившись удовлетворенным самолюбием, любил ее из корысти, за огромные суммы денег и большое число драгоценностей, которые она принесла за собой⁴⁰. Но, натешась перечислением всех этих сокровищ, он перестал находить в них удовольствие, и тогда ничто уже не привязывало его к Галесвинте. Он не мог пленяться нравственной ее красотой, смирением, благотворительностью к бедным, потому что душой и телом предан был только красоте телесной. Таким образом, вскоре наступило время, когда, вопреки собственной решимости, Гильперик ощущал при

³⁹ Formul. Lindenbrog., apud script. rer. franc., том IV, стр. 555. — Комментаторы не объясняют слова *handelang*, которое должно значить рукопожатие.

⁴⁰ Greg. Turon., Hirt. Franc., т. II, стр. 217.

жене своей только холодность и скуку.

Фредегонда ждала этой минуты и воспользовалась ею с обычной своей ловкостью. Ей стоило только встретиться, будто случайно, с королем, чтобы наружное сравнение ее с Галесвинтой вновь воскресило в сердце этого чувственного человека прежнюю страсть, незаглушенной слабой вспышкой самолюбия. Фредегонда была взята в наложницы и огласила новое торжество свое; в обращении с отвергнутой супругой она обнаружила даже презрение и высокомерие. Вдвойне обиженная, как королева и супруга, Галесвинта сперва плакала молча; потом осмелилась жаловаться и говорить королю, что в доме его нет ей никакого почета, а только позор и обиды, которых она переносить не может. Она как милости просила развода, и предлагала оставить все, что принесла в приданое, лишь бы дозволено ей было возвратиться на родину.

Такой добровольный отказ от драгоценных сокровищ, бескорыстие гордой души, были чужды для короля Гильперика; не имея о них ни малейшего понятия, он не мог им поверить, и слова Галесвинты, не смотря на их искренность, возбудили в нем только мрачное подозрение и боязнь потерять открытым разрывом богатства, обладание которыми почитал за счастье. Смирив свои чувства и с лукавством дикаря скрывая мысли,

он вдруг переменялся в обращении с Галесвинтой, стал говорить с ней кротко и ласково, изъявлял раскаяние и любовь, обманувшие дочь Атанагильда. Она перестала говорить о разлуке и утешалась уже искренней взаимностью, как однажды ночью, по повелению короля, введен был в ее комнату преданный ему слуга, и задушил ее сонную. Увидев ее мертвую на постели, Гильперик притворился удивленным и огорченным, даже сделал вид, будто плачет, а через несколько дней возвратил Фредегонде права жены и королевы.

Так погибла эта молодая женщина, которой, казалось, внутреннее откровение заранее предвещало участь, ее постигшую; — грустный и кроткий образ, мелькнувший в эпоху варварства Меровингов, как видение иного мира. Несмотря на упадок нравственного чувства, среди бесчисленных преступлений и бедствий, были однако и в то время души, глубоко тронутые столь мало заслуженным несчастьем, и их сочувствие, согласно с духом века, приняло оттенок суеверия. Говорили, что в день похорон Галесвинты хрустальная лампада, висевшая над ее гробницей, внезапно отвязалась сама собой и, упав на мраморный помост, не разбилась и не погасла.

Для довершения чуда уверяли, что присутствовавшие видели, как мрамор уступил давлению, словно мягкий, и лампада до половины в

него погрузилась⁴¹. Нас, читающих это в старых книгах, написанных людьми другого века, подобные рассказы заставят улыбнуться; но в VI веке, когда предания эти переходили из уст в уста, как живое и поэтическое выражение народных чувств и верований, слушая эти рассказы, задумывались и плакали.

РАССКАЗ ВТОРОЙ. Последствия убийства Галесвинты. — Междоусобие. — Смерть Сигберта. (568–575)

У Франков, и вообще у народов германского племени, лишь только совершено бывало убийство, ближайший родственник покойного тотчас назначал свидание всем своим родным и союзникам, призывая их, именем чести, прибыть с оружием, потому что с того времени возгоралась война между убийцей и всеми, кто был связан с жертвой какими-либо узами родства. Как супруг сестры Галесвинты, Сигберт обязан был исполнить этот долг мщения. Он послал гонцов к королю

⁴¹ Greg. Turon., Hist. Franc., стр. 217. — Fortunati carm., стр. 463.

Гонтрану, который, ни мало не колеблясь в выборе между двумя враждующими братьями, немедленно пристал к стороне обиженного; но неизвестно, было ли то из повиновения к народным обычаям, или, может быть, потому что гнусное и низкое преступление короля Гильперика изгоняла его из семейного круга. Вслед за тем была объявлена война, и начались враждебные действия, хотя не с одинаковой ревностью со стороны двух братьев, восставших на третьего⁴². Сигберт, возбуждаемый мстительностью жены своей, Брунегильды, имевшей над ним неограниченную власть и внезапно обнаружившей свой в высшей степени пылкий характер, хотел биться до последней крайности; он не отступал даже от мысли о братоубийстве. Но Гонтран, по христианскому ли чувству, или по свойственной ему слабости воли, скоро променял свою роль союзника на роль посредника. Просьбами и угрозами он склонил Сигберта не самоуправствовать, а законным порядком созвать миролюбиво народ, и требовать его суда⁴³.

Действительно, по закону Франков, или,

⁴² Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, сop. 217.

⁴³ Adriani Valesii rer franc., стр. 26.

лучше сказать, по народным их обычаям, всякий, кто считал себя обиженным, мог избирать или частную войну, или общественный суд; но лишь только приговор бывал произнесен, война становилась уже незаконной. Судебное собрание называлось мал (mâl), то есть, совет. Чтоб иметь право быть в нем посредником, надлежало принадлежать к разряду землевладельцев, или, по германскому выражению, к числу почетных мужей, ариманов, (arimans)⁴⁴. В большем или меньшем числе, смотря по роду и важности предстоящих дел, судьи являлись в собрание в полном вооружении и, не покидая оружия, усаживались на скамьях, расставленных в кружок. До перехода через Рейн и покорения Галлии, Франки производили суд на открытом воздухе, на холмах, освященных древними религиозными обрядами. Приняв, после своего завоевания, христианство, они оставили этот обычай, и мал созывался королями или графами в каменных или деревянных строениях; но, не смотря на такую перемену, место заседаний сохранило название, данное ему прежде в языческой Германии: его по старому продолжали звать, на

⁴⁴ Этот класс людей, в законах и публичных актах, называется еще: Rachimburgii, Racimburdi, Rakin-burghé, сильные поруки.

древне-германском языке, Мальберг, Гора Совета⁴⁵.

Когда воззванием, обнародованным в трех франкских королевствах, было повещено, что чрез сорок ночей (таково было принятое в законах выражение) король Гонтран будет держать торжественный сейм для примирения королей Гильперика и Сигрберта, то важнейшие вожди и богатые владельцы прибыли, с своими дружинами, в назначенное место. Открылся торжественный суд, о подробностях которого современные писания не упоминают; но вероятные обстоятельства его можно отыскать в различных постановлениях, актах и судебных формулах. Из них не трудно извлечь следующие факты, правда, только предполагаемые, но могущие, до некоторой степени, дополнить пропуск исторических свидетельств.

Когда все собрались, король Гонтран занял место на возвышенном кресле, а прочие судьи сели на простых скамьях, каждый с мечом на бедре и служителем, стоявшим позади со щитом и копьем его. Призванный как истец, первый явился король Сигберт, и от имени жены своей, королевы Брунегильды, обвинял Гильперика в умышленном

⁴⁵ Malbergum, Mallobergum, Mallebergium. См. Leg. Salic. et Leg. Ripuar., apud. script. rer. gallic. et franc., т. IV, стр. 120.

участии в убиении Галесвинты, сестры Брунегильды. Срок в четырнадцать ночей дан был обвиняемому, чтобы он явился в свою очередь и клятвенно оправдался⁴⁶.

Законы Франков требовали, чтобы эта оправдательная клятва подтверждена была присягой известного числа свободных людей, шести в случаях маловажных, и до семидесяти двух в делах более значительных, или по важности фактов, или по высокому званию подсудимых⁴⁷. Обвиняемый должен был явиться в круг, обставленный судейскими скамьями, в сопровождении всех тех, которые должны были произнести с ним клятву. Тридцать шесть человек становилось по правую, и тридцать шесть по левую его руку; после того, по требованию главного судьи, он обнажал меч и клялся оружием в своей невинности; тогда свидетели, разом обнажив свои мечи, приносили на них ту же клятву⁴⁸. Никакое

⁴⁶ Leg. Salic., т. IV, стр. 159.

⁴⁷ — Клятва свидетелей называлась на германском языке ведеред, *Wedered* (*Vedredum*), т. е. повторенная клятва. Leg. Ripuar., т. IV, стр. 248.

⁴⁸ Leg. Ripuar., т. IV, стр. 248.

свидетельство, ни в древних хрониках, ни в современных актах, не дает повода думать, чтобы Гильперик пытался оправдаться судебным порядком, в преступлении, в котором его обвиняли; по всем вероятностям он предстал один пред собранием Франков и сел, не сказав ни слова. Сигберт встал и трижды сказал судьям: «Поведайте нам закон салийский»⁴⁹.

Такова была установленная форма для требования суда с противником, уличенным собственным своим признанием, но в настоящем случае ответ на такое требование мог быть дан только после продолжительных прений, потому что дело шло о преступлении, к которому общий закон Франков можно было применить только по аналогии. Для предупреждения, или, по крайней мере, для скорейшего окончания частных распрей, закон этот постановлял, что, в случае убийства, виновный должен заплатить наследникам убитого известную сумму денег, соразмерную с его званием. За дворового раба платили от пятнадцати до тридцати пяти золотых солидов, за лига из варваров, или за галло-римского данника, сорок-пять солидов; за Римлянина — владельца сто солидов и вдвое за Франка, или всякого другого

⁴⁹ Leg. Salic., т. IV, стр. 155.

варвара, подчиненного салийскому закону⁵⁰. В каждом из этих разрядов пеня утраивалась, если убитый, раб или крепостной, Римлянин или варвар, непосредственно зависел от короля, как слуга его, как вассал, или как человек, занимавший какую-либо общественную должность. Таким образом, за казенного селянина платили девяносто золотых солидов; триста за Римлянина, допущенного к королевскому столу, и шестьсот солидов за варвара, украшенного почетным титулом, или состоявшего в дружине, *antrusti*, то есть, королевского приверженца⁵¹.

Пеня эта, по уплате которой виновный избавлялся от дальнейшего преследования и мести, называлась на германском языке *вер-гельд*, *wer-gheld*, охранная плата, а на латинском композиция, *compositio*, потому что прекращала войну между обидчиком и обиженным. За убийство

⁵⁰ стр. 1157 т 147. — По новейшему исследованию г. Герара (*Guegard*), в его записке о монетной системе Франков, при королях первых двух династий (*Revue de la numismatique française*, novembre et decembre 1837), золотой су, или солид, которого действительная цена была в 9 франк. 28 сант., равнялся нынешним 99 фр. 53 сант.

⁵¹ стр. 154.

лиц королевского сана не было установлено вер-гельда; в этом тарифе человеческой жизни они стояли вне и выше всякой принятой законом оценки. С другой стороны, варварские обычаи некоторым образом давали князьям право на человекоубийство; и вот почему не распространив, посредством толкований, значения салийского закона, нельзя было ни определить, что повелевалось им в деле, возникшем против короля Гильперика, ни назначить пеню, которую следовало уплатить родственникам Галесвинты. Не имея возможности с точностью судить по закону, собрание поступило по взаимному соглашению и произнесло приговор почти в следующих выражениях:

«Вот приговор достославного короля Гонтрана и благородных мужей, заседающих в Мал-Берге. Города Бордо, Лимож, Кагор, Беарн и Бигор, которые Галесвинта, сестра наипревосходнейшей дамы Брунегильды, по прибытии своем в землю Франков, получила, как ведомо всякому, в утренний дар и вдовый участок, перейдут от сего дня во владение королевы Брунегильды и ее наследников, дабы, чрез посредство таковой пени, восстановлен был отныне мир Божий между достославными государями

Гильпериком и Сигбертом⁵²».

Оба короля подошли один к другому, держа в руке небольшие древесные ветви, которыми обменялись в знак честного слова, данного взаимно, одним — не покушаться возвратить того, что утратил он по приговору народа, другим — не требовать ни под каким предлогом большого вознаграждения. — «Брат», — сказал тогда австразийский король: — «дарую тебе впредь мир и безопасность за смерть Галесвинты, сестры Брунегильды. Отныне тебе нечего бояться ни жалоб моих, ни преследований, и если, не во гнев Богу, случится, что ты будешь потревожен или мною, или моими наследниками, или кем-либо другим от их имени, или снова будешь призван в Совет за реченное убийство и данное мне тобой вознаграждение, то да будет оно вдвойне возвращено тебе⁵³». — Собрание разошлось и оба короля расстались, по-видимому, примиренные.

Король Гильперик никак не мог сродниться с мыслью, что он должен подчиниться решению суда в удовлетворение за обиду; напротив того, он

⁵² Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 344.

⁵³ Marculfi formul., apud. script., rer. gallic. et franc., том IV, стр. 495 и 512.

надеялся возратить со временем свои города, или вознаградить себя на счет владений Сигберта. Этот замысел, созревавший и таимый в продолжение почти пяти лет, внезапно обнаружился в 573 году. Гильперик, не имея точного понятия ни о положении, ни об относительной важности городов, об утрате которых сетовал, знал, однако, что Беарн и Бигор были самые незначительные и самые отдаленные от средоточия его владений. Размышляя о средствах выручить силой то, что было уступлено против воли, Гильперик нашел, что план его завоевания будет и удобнее в исполнении и выгоднее, если, в замен двух небольших городов, лежавших близ подошвы Пиренеев, он приобретет города Тур и Пуатье, обширные, богатые, и совершенно ему сподручные. С этой мыслью, он собрал в принадлежавшем ему городе Анжере войско, и вверил над ним начальство Клодовигу, меньшему из трех сыновей, прижитых им от Авдоверы, первой его супруги.

Без всякого предварительного объявления войны, Клодовиг пошел на Тур. Не смотря на силу этого древнего города, он вступил в него без сопротивления, ибо Сигберт так же, как и оба другие короля, содержал постоянный гарнизон только в тех городах, где сам имел пребывание, а гражданам большей частью галльского происхождения, все равно было которому из

франкских королей должны они повиноваться. Овладев Туром, сын Гальперика направился на Пуатье, который также скоро отворил перед ним свои ворота. Здесь Клодовиг остановился, находясь как бы в центре между Туром и городами Лиможем, Кагором и Бордо, завоевать которые ему предстояло⁵⁴.

Узнав о таком неожиданном нападении, король Сигберт отправил гонцов к брату своему Гонтрану, прося его помощи и совета. Участие, которое Гонтран принимал шесть лет тому назад в примирении двух королей, казалось, возлагало на него в отношении к ним некоторую обязанность судии, право взыскания с того, кто не сдержал данного слова и нарушил приговор народный. С этой мыслью, согласной, впрочем, с склонностью к справедливости, составлявшей особенную черту его характера, он взял на себя труд усмирить враждебное покушение Гильперика и принудить его снова подчиниться условиям отдельного трактата и приговора Франков. Не делая нарушителю клятвенного мира ни представлений, ни предварительного вызова, Гонтран отправил против Клодовига войско, под предводительством лучшего из своих военачальников, Эония Муммола,

родом Галла, мужеством равного храбрейшим из Франков, но превосходившего всех их воинскими дарованиями.

Муммол, имя которого было тогда знаменито, встретится еще не раз в этих рассказах, в то время только что поразили в нескольких битвах и оттеснили даже за Альпы народ лонгобардский, который, владея севером Италии, покушался проникнуть в Галлию и грозил завоевать области, лежавшие близ Роны. Он двинулся из Шалона-на-Соне, столицы гонтранова королевства, с быстротой, уже стяжавшей ему победы, и пошел на город Тур по дороге чрез Невер и Бурж. При его приближении, молодой Клодовиг, возвратившись в Тур с намерением выдержать там осаду, решился отступить и, в ожидании подкреплений, занял удобную позицию на пути к Пуатье, не в дальнем расстоянии от этого города. Между тем Турские граждане миролюбиво приняли галло-римского предводителя, занявшего город именем короля Сигберта. Чтобы на будущее время они были менее равнодушны к политическим событиям, Муммол заставил всех их присягнуть на верность. Если воззвание его к епископу и турскому графу было согласно с другими подобного рода актами, то все горожане и жители городского округа, Римляне, Франки и всякого иного племени, получили приказание собраться в епархиальную церковь и

произнести перед святыней клятву во имя всемогущего Бога, нераздельной Троицы и страшного суда в том, что в совершенной чистоте, как истые литы, они пребудут верными государю своему, достославному королю Сигберту⁵⁵.

Между тем ожидаемое Клодовигом подкрепление прибыло в его стан близ Пуатье. Оно состояло из толпы, собранной в окрестностях, и предводимой Сигером и Василием; первый был Франк, второй Римлянин, оба усердные сподвижники короля Гильперика и сильные по своему богатству. Войско то, многочисленное, но неустроенное, состоявшее большей частью из поселян и крестьян, образовало авангард нейстрийской армии и первое сразилось с воинами Муммола. Не смотря на свое мужество и даже ожесточение в битве, Сигер и Василий не могли преградить пути на Пуатье величайшему, или лучше сказать единственному тактику того времени. Атакованные с фронта и флангов, они с огромной потерей были опрокинуты на Франков Клодовига, которые тотчас же обратились в бегство и рассеялись. Оба предводителя были убиты в смятении, и сын Гильперика, не имея при себе довольно войска для обороны Пуатье, бежал по

⁵⁵ Marculfi form., т. IV, стр. 483. — Greg. Turon., стр. 345.

дороге в Сент. Овладев после такой победы городом, Муммол счел поручение свое как бы оконченным, и, заставив граждан, подобно тому, как в Туре, присягнуть на верность королю Сигберту, возвратился в королевство Гонтрана, не удостоив преследованием Нейстрийцев, бежавших в малом числе за своим королевичем⁵⁶.

Клодовиг не заботился о сборе своих войск и о возвращении в Пуатье; но боясь встретить преграду на дороге к северу, или, может быть, из юношеской удачи, вместо того, чтобы двинуться к Анжеру, продолжал следовать в противоположную сторону и направился к Бордо, одному из пяти городов, которыми овладеть было ему приказано⁵⁷. Он явился у ворот этого большого города с горстью людей, плохо вооруженных, и на первый вызов его от отцовского имени, городские ворота перед ним растворились; факт удивительный, из которого ясно открывается правительственное бессилие королевской власти Меровингов. В таком большом городе не нашлось довольно войска для защиты владетельных прав королевы Брунегильды и верховной власти короля Сигберта от толпы

⁵⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 227.

⁵⁷ стр. 228.

беглецов, бездомных и изнуренных. Сын Гильперика мог беспрепятственно водвориться в нем полным властелином и занять с своими людьми палаты, принадлежавшие в то время фиску, а когда-то составлявшие собственность императоров, доставшуюся королям германским вместе с наследием цезарей.

Молодой Клодовиг почти уже месяц жил в Бордо, величая себя победителем и представляя лицо вице-короля, когда Сигульф, один из стражей пиренейской границы или мархии осмелился выступить в поле и сделать нападение⁵⁸. Эта граница, которую должно было оборонять от Готов и от Басков, вся принадлежала австрийскому королю, от имени которого сделано было воззвание по обоим берегам Адура. Некоторые указания, почерпнутые из последующих фактов, дают повод думать, что, не желая оставить без войск свои укрепления, герцог, или, как говорили на германском языке, марк-граф⁵⁹ призвал к

⁵⁸ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 228. — Fredegarii, Hist. Franc., т. II, стр. 407. — Aimoinii menac. floriac. de gest. Franc., стр. 71.

⁵⁹ Марк, рубеж, граница; граф, начальник, округа, правитель, судия.

ополчению всех жителей той страны; племя охотников, пастухов и дровосеков, почти столь же диких, как соседи их, Баски, заодно с которыми они часто грабили купеческие караваны, налагали дань на небольшие города, или противились франкским правителям. Те из горцев, которые вняли призыву австразийского вождя, явились на сборное место, кто пеший, кто конный, с обычным своим оружием, то есть, в охотничьей одежде, с колом в руке и с трубкой или рогом через плечо. Предводимые марк-графом Сигульфом, они вступили в Бордо, ускоряя ход, как-бы для внезапного нападения и направляясь к той части города, где были расположены Нейстрийцы.

Внезапно настигнутые неприятелем с превосходными силами, они успели только вскочить на коней, посадить на лошадь своего принца, и окружив его, умчаться с ним по направлению к северу. Сигульфовы люди с ожесточением пустились их преследовать, одушевляясь надеждой захватить в плен королевского сына и истребовать за него богатый выкуп, или, может быть, увлекаясь побуждением народной ненависти к франкскому племени. Для взаимного поощрения к погони, или чтоб сильнее задать беглецам страха, или просто от разгула южной веселости, они трубили на бегу в охотничьи рога и трубы. Целый день, припав к гриве своего

коня и побуждая его шпорой, Клодовиг слышал за собой звуки рогов и клики охотников, гнавших по его следам, словно в лесу за оленем⁶⁰. Но к вечеру, по мере того, как становилось темнее, погоня постепенно замедлялась, и вскоре Нейстрийцы могли продолжать путь свой свободным шагом. Так возвратился юный Клодовиг на берега Луары, к стенам Анжера, из которого недавно вышел, предводя многочисленным войском.

Такой забавный конец похода, столь нагло предпринятого, навел на душу Гильперика мрачную и гневную досаду. Не одна корысть, но и оскорбленная гордость побуждали его отважиться на все, лишь бы только возвратить свои завоевания и отвечать на вызов, который, казалось, ему сделали. Решась блистательно отмстить за оскорбление своей чести, он собрал на берегах Луары войско, гораздо многочисленнее первого и вверил над ним начальство Теодеберту, старшему из своих сыновей.

Осторожный Гонтран рассудил на этот раз, что новое вмешательство с его стороны будет, по всей справедливости, бесполезно для примирения братьев и конечно разорительно для него самого. Отказавшись от посредничества, он распорядился

⁶⁰ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 228.

так, что в случае неудачи мог остаться в стороне и не мешаться в распрю. Заботу о примирении обоих королей он возложил на духовный собор; по его приказанию, все епископы королевства, по своему положению не принимавшие участия в царской ссоре, съехались в нейтральном городе Париже, куда по отдельному договору, не мог вступить ни один из сыновей Клотера без согласия двух других. Собор отправил нейстрийскому королю самые убедительные послания, сохранять клятвенный мир и не посягать на права брата. Но речи и послания были бесполезны. Гильперик, не внимая ничему, продолжал готовиться к бою и члены собора возвратились к королю Гонтрану с единственным плодом своего посольства: вестью о неизбежной войне.

Между тем, Теодеберт перешел чрез Луару и совершил движение, представляющее некоторое подобие стратегического соображения; вместо того, чтобы, по примеру младшего своего брата, двинуться на Тур, он пошел к Пуатье, где австразийские вожди, начальствовавшие в Аквитании, сосредоточили свои силы. Главнейший из них, Гондебальд, имел неблагоприятную отважность сразиться на равнине с Нейстрийцами, превосходившими его своими силами и притом более одушевленными, нежели войска, состоявшие под его начальством; он был совершенно разбит и в

одно сражение лишился всего ⁶¹. Победители вошли в Пуатье, и Теодеберт владея этим городом в центре австразийской Аквитании, мог свободно двинуться на любой из городов, которыми овладеть ему надлежало. Он избрал направление к северу и вступил в турецкие земли, лежащие на левом берегу Луары. По отцовскому ли приказанию, или по собственному своему внушению, он вел войну жестокую, разнося всюду, где ни проходил, убийство и опустошение. Граждане Тура с ужасом увидели со стен своих облака дыма, который, поднимаясь со всех сторон вокруг, возвещал пожары соседних деревень. Хотя они и были связаны с королем Сигбертом священной клятвой, однако, заглушив религиозные опасения, сдались на произвол победителя и умоляли его быть только милосердным.

Покорив Пуатье и Тур, нейстрийская армия осадила Лимож, который отворил ей ворота, и из Лиможа пошла на Кагор. В этом долгом шествии, путь ее означен был разорением селений, грабежом домов и осквернением святыни. Храмы были опустошены и преданы сожжению, священники умерщвлены, инокини изнасилованы и монастыри разрушены до основания. При слухе о таком

⁶¹ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 228.

опустошении, общий страх распространился по всей Аквитании, от берегов Луары до Пиренеев. Эта обширная и прекрасная земля, куда шестьдесят лет тому назад вступили Франки не врагами туземных (исконных) жителей, но противниками Готов, первых ее властелинов, поборниками православной веры против еретической силы; эта благородная страна, по которой дважды проносилась брань, не оставив следа за собой, где римские нравы распространялись почти неприкосновенно, и германские государи, властвовавшие за Луарой, были известны только своей ревностью к благочестию, страна эта внезапно была исторгнута из спокойствия, которым наслаждалась около полувека.

Зрелище таких жестокостей и святотатств поражало умы изумлением и скорбью. Войну Теодоберта в Аквитании уподобляли гонению Диоклетиана; с простодушным удивлением сравнивали преступления и разбои гильпериковых войск с благочестивыми подвигами Клодовига Великого, соорудившего и украсившего такое множество храмов. Епископы и аквитанские сенаторы, весь патриотизм которых заключался в христианском веровании, то разглашали хулы и проклятия в библейском духе, то рассказывали один другому с улыбкой надежды о чудесах, которые, по общим слухам, совершались в разных

местах в наказание за бесчинство варваров. Так называли они Франков, но слово это само по себе не заключало в себе никакого оскорбительного смысла: оно служило в Галлии только для означения господствующего племени, подобно тому, как туземное племя называли Римлянами.

Основанием этих народных рассказов, которым изумленное воображение придавало суеверный оттенок, нередко бывал самый простой случай. В нескольких льё от Тура, на правом берегу Луары, был монастырь, знаменитый мощами святого Мартина; пока Франки опустошали правый берег, десятка два из них взяли лодку, с намерением переправиться на другую сторону и разграбить богатую обитель. Не имея для управления лодкой ни багров, ни весел, они употребили на то свои копья, держа их лезвие кверху, а другим концом упираясь в речное дно. Иноки, видя приближение Франков, не могли усомниться в их намерениях и вышли к ним на встречу, восклицая: — «Берегитесь, варвары! Берегитесь тут приставать: это монастырь блаженного Мартина» — Но не смотря на то, Франки высадились, перебили иноков, расколотили всю монастырскую движимость, похитили все, что было там драгоценного, и, увязав, уложили на свое судно. Лодка, дурно управляемая и через меру нагруженная, наткнулась на одну из отмелей,

засоряющих русло Луары, и села на мель. От колебания, происшедшего во время этой остановки, многие из тех, которые управляли лодкой, стараясь всеми силами сдвинуть тяжелое судно, оступились и попадали вперед на острие копий, воткнувшихся в их груди; другие, объятые вместе и ужасом и печалью, стали кричать о помощи. Тогда прибежали иноки, с которыми Франки обошлись так дурно, и, подъехав на лодке, и удивлением увидели случившееся. — Взяв назад, по настоянию своих грабителей, всю добычу, похищенную в монастыре, иноки отплыли к берегу, с пением за упокой тех, которые погибли таким неожиданным образом.

Между тем, как это происходило в Аквитании, король Сигберт собирал все силы своего королевства. Чтоб идти на Теодеберта и принудить Гильперика отозвать его и войти в границы, назначенные ему родственным договором. Он призвал к оружию не только Франков с берегов Мааса, Мозеля и Рейна, но и все зарейнские германские племена, признававшие власть или покровительство сыновей Меровинга. Таковы были Свевы, или Швабы, и Алеманы, — последний остаток двух некогда могущественных союзов; Тюринги и Баивары, сохранявшие свою народность под управлением наследственных герцогов; наконец, многие народы Нижней Германии,

отделившиеся или по доброй воле, или насильственно, от страшного союза Саксов, — врагов и соперников франкского владычества. Эти зарейнские народы, как их тогда называли, были совершенные язычники, и если те из них, которые были ближе к гальским пределам, приняли некоторые семена христианства, то странным образом примешивали к ним обряды старой своей религии, принося в жертву животных, а в торжественных случаях даже людей⁶². К таким свирепым наклонностям присоединялись хищничество и жажда завоеваний, влекшие их на запад и подстрекавшие искать за рекой, подобно Франкам, своей доли в добыче и землях Галлии.

Франки это знали и с недоверчивостью наблюдали за малейшими движениями своих соплеменников, всегда готовых переселиться по их следам, или попытаться покорить их. Для отстранения этой опасности, Клодовиг Великий сразился с Швабами и Алеманами в знаменитой битве при Толбиаке. За поражением этого авангарда зарейнских народов последовали другие победы, одержанные преемниками Клодовига. Теодерик покорил Тюрингский народ и многие племена

⁶² Procopii, de bello gothico, apud script. rer. gallic. et franc., т. II, стр. 37.

Саксов, и сам Сигберт выказал против последних свою деятельность и мужество. Как король восточной Франции и страж общей границы, он держал германские народы в страхе и уважении к королевской власти Франков; но вербуя их в свое войско и ведя под своими знаменами в средоточие Галлии, он должен был возбудить в них старинную зависть и страсть к завоеванию и воздвигнуть бурю, страшную вместе и Галлам и Франкам.

За то, что при известии о таком великом вооружении Австразии, чувство беспокойства распространилось между подданными не только Гильперика, но даже и Гонтрана, который сам разделял их опасения. — Не смотря на малую склонность свою затевать распрю без продолжительных и сильных на то побуждений, Гонтран не поколебался однако принять общее восстание зарейнских языческих народов за действие, враждебное всем христианам в Галлии, и на просьбу Гильперика о помощи дал ответ благоприятный: — «Оба короля имели свидание», — говорит современный повествователь, — «и заключили союз под взаимной клятвой ни одному из них не попускать своего брата на погибель»⁶³. Предвидя, что Сигберг

⁶³ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

вознамерился идти на юго-запад и занять какой-либо пункт на дороге между Парижем и Туром, Гильперик сосредоточил свои силы на восточном берегу Сены, для воспрепятствования переправы. Гонтран, с своей стороны, прикрыл войсками северную свою границу, не обеспеченную никакими естественными преградами, и сам переехал в Труа, для наблюдения за ходом дел.

В 574-м году, войска австразийского короля, после продолжительного похода, подошли наконец к Арсису-на-Обе. Тут Сигберт остановился, и не двигаясь далее, ждал донесений лазутчиков. Чтобы вступить в королевство Гильперика, не переменяя направления, Сигберт должен был перейти Сену несколько выше слияния ее с Обою, в месте, называвшемся тогда Двенадцать Мостов (les Douze-ponts), а ныне Мост-на-Сене (Point-sur-Seine); но все мосты были сняты, лодки отведены, и нейстрийский король стоял не вдалеке станом, готовый сразиться, если неприятель предпримет переправу в брод. Льё в десяти, без малого, к югу, Сена с обоими своими берегами принадлежала к государству, или, как тогда выражались к уделу Гонтрана. Сигберт немедленно потребовал от него свободного пропуска. Отправленное им требование было коротко и ясно: — «Если ты не позволишь мне переправиться через реку в твоём уделе, то я пойду на тебя со всем

своим войском».

Присутствие этой страшной армии сильно подействовало на воображение короля Гонтрана, и те же самые опасения, которая заставили его соединиться с Гильпериком, побудили разорвать этот союз и нарушить клятву. — Все подробности, которые он узнавал через своих лазутчиков и местных жителей о числе и наружности австразийских войск, рисовали страшными красками перед ним опасность, в которую отказ мог бы его повергнуть. Действительно, если войска меровингских королей обыкновенно бывали беспорядочны, то эти, диким буйством своим, превосходили все, что было известно со времени великих нашествий. Отборные дружины состояли из населявшего берега Рейна франкского народа, наименее образованного, и едва лишь проникнутого христианским духом; большая часть войска была орда варваров в полном смысле слова. То были странные лица, какие рыскали по Галлии во времена Атилы и Клодовига, и с тех пор встречались только в народных преданиях; те воины с отвисшими усами и волосами, подобранными в кисть на темени, которые метали топором в лицо неприятелю и поражали его издали зубчатыми копьями⁶⁴. Подобное войско не могло

64 Франки собирали на темени и связывали свои

обойтись без грабительства, даже в стране дружелюбной; но Гонтран предпочел лучше даже подвергнуться каким-нибудь кратковременным грабежам, нежели навлечь на себя все случайности вторжения и победы. Он дал свободный пропуск, вероятно, через мост в Труа, и свиделся в этом городе с братом своим Сигбертом, которому клятвенно обещал ненарушимый мир и искреннюю дружбу⁶⁵.

светлорусые волосы кистью, ниспадавшей вниз в виде конского хвоста. Бороду они брили, оставляя только усы, висевшие длинной прядью. Они носили холстяную одежду в обтяжку и широкий пояс, к которому привешивался меч. Любимым оружием их был топор, с одним или двумя толстыми насталенными лезвиями и очень коротким топорischem. Они начинали битву этим топором, бросая его в лицо или в щит неприятелю, и редко давали промах. Кроме этого топора, они имели еще копье, не очень длинное и равно удобное для действия вблизи и издали; длинный и крепкий наконечник копья снабжен был острыми, изогнутыми крючьями, так-что, пробив щит, копье не могло быть извлечено, и висело, волочась по земле древком. Тогда Франк бросался вперед, наступал на древко ногой, налегши всем телом, заставлял противника опустить руку и обнаружить таким образом голову и грудь (*Lettres sur l'histoire de France, par A. Thierry; lettre VI*). //

⁶⁵ Greg. Turon., *Hist. Franc.*, т. II, стр. 229. — *Fredegarii, Hist. Franc.*, т. II, стр. 407.

Узнав о такой измене, Гильперик немедленно снялся с позиции своей на левом берегу Сены и старался поспешным отступлением укрыться внутрь своих владений. Он шел не останавливаясь до окрестностей Шартра и расположился станом на берегах Луары, близ селения Аваллоциум, что ныне Аллюи, (Alluye) ⁶⁶ . Во время этого продолжительного шествия, его постоянно преследовали и теснили неприятельские войска. Несколько раз, Сигберт, думая, что он остановится, вызывал его, по германскому обычаю, на битву; но нейстрийский король, вместо ответа, ускорял ход и продолжал свой путь. — Едва устроился он на новой позиции, как вестник из австразийской армии объявил ему следующее предложение: — «Если ты не подлый человек, то готовь поле битвы и прими сражение ⁶⁷ ». — Никогда подобный вызов, сделанный Франку, не оставался без ответа, но Гильперик потерял всю свою природную гордость. После бесполезных усилий избежать неприятеля,

⁶⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

⁶⁷ — Подлый, низкий человек, *homme de rien*, *Nihtig*, *Nihting*, *Niding*, по разным германским наречиям. Это позорное слово употреблялось в вызовах и объявлениях войн и означало человека, отверженного от общества.

доведенный до последней крайности, и не чувствуя в себе мужества вепря, окруженного псами, он прибегнул к мольбам и просил мира, обещая дать полное удовлетворение.

Сигберт, не смотря на свой строптивый характер, был однако великодушен; он согласился предать все забвению, с тем только, чтобы немедленно были ему отданы города Тур, Пуатье, Лимож и Кагор, и чтоб войска Теодеберта возвратились из-за Луары⁶⁸. Побезденный по собственному сознанию и вторично разочарованный в своих надеждах, Гильперик присмирел, как зверь, пойманный в тенета. Он даже выказал добродушие, которое, казалось, смешано было в германском характере с самой зверской свирепостью и самым хитрым эгоизмом, и беспокоился о том, что постигнет жителей четырех городов, которые ему подчинились. «Прости им, говорил он брату, и не взыскивай с них; ибо если они тебе и изменили, то потому только, что я мечем и огнем к тому их принудил». Сигберт был столько человеколюбив, что внял такому заступлению.

Оба короля казались очень довольными друг другом, но в австразийской армии возникло сильное неудовольствие. Войска, набранные за

⁶⁸ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

Рейном, роптали на неожиданный мир, лишивший их добычи, которую они надеялись приобрести в Галлии. Они негодовали на то, что были приведены издалека не для битв и поживы, обвиняли короля Сигберта в том, что он отступился, когда должен был сразиться. Весь стан был в волнении и готовился страшный бунт. Король, не обнаружив никакого смущения, вскочил на коня и прискакал к толпам, где вопияли мятежники. — «Что у вас?» — спросил он: — «чего вы хотите?» — Битвы! Закричали они со всех сторон. Дай нам случай подраться и добыть сокровищ, иначе мы не воротимся восвояси⁶⁹. Эта угроза могла повлечь за собой новое занятие земель в недрах Галлии и раздробление франкского господства; но Сигберт ни мало не смутился и, сохраняя твердый вид, успел без большого труда усмирить гнев дикарей кроткими речами и обещаниями.

Стан сняли и войско тронулось обратно к берегам Рейна. Оно пошло по парижской дороге, но не вступало в этот город, потому что Сигберт, верный своим обязательствам, уважал его неприкосновенность. В продолжении всего пути, австразийские дружины разоряли места, по которым проходили, и окрестности Парижа долго

⁶⁹ — Fredegarii, Hist. Franc., стр. 307.

помнили их шествие. Большая часть селений и деревень была выжжена, дома разграблены и множество жителей отведено в неволю, так что король не мог ни предупредить, ни остановить подобных насилий. «Он просил и увещевал», говорит древний сказатель: — «не делать этого, но не мог превозмочь буйства народов, пришедших с другого берега Рейна⁷⁰».

Эти язычники входили в церкви только для того, чтоб обворовать их. В богатой базилике Сен-Дени, один из вождей взял кусок шелковой ткани, вышитой золотом и усыпанной драгоценными камнями, покрывавшей гробницу мученика; другой не убоился влезть на самую гробницу достать оттуда и снять копьем изображение Св. Духа — золотого голубя, привешенного к карнизу придела⁷¹. Эти грабежи и святотатства оскорбляли Сигберта, как короля и как христианина; но чувствуя слабость влияния своего на дух войска, он поступил с ним, как дед его Клодовиг с воином, разбившим реймскую чашу⁷².

⁷⁰ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

⁷¹ Adriani Valesii rer. franc., lib. IX, стр. 55.

⁷² В войну Клодовига с Сиагрием (486 г.) франкские воины разорили множество церквей. Однажды они похитили в

Пока армия шла, он смотрел сквозь пальцы и скрывал свой гнев; но по возвращении, когда все эти неукротимые воины, расходясь в свои племена и жилища, рассеялись по разным местам, он велел

Реймсе огромный и великолепный церковный сосуд. Епископ Реми послал к королю просить возвращения этой чаши; король отвечал посланным: «Идите за мной в Суассон, где будет дележ добычи. Если чаша выпадет на мою долю, то я исполню желание отца». По прибытии в Суассон, когда все собрались на площадь, король сказал: «храбрые воины, прошу вас даровать мне эту чашу, кроме того, что мне достанется по жребию». Все поспешили ответить, что он властен над всем, что даже они сами принадлежат ему, и что он может все, что ему угодно, не боясь возражений. Но один легкомысленный воин, менее спокойный и угодливый, чем другие, поднял свой меч (francisque) и, хватив им по сосуду, сказал сильным и громким голосом: «Не получишь того, чего подлинно не даст тебе жребий». Все были изумлены такой дерзостью. Король смолчал, скрыл негодование, но запомнил обиду; он взял чашу и отдал ее присланным от епископа. Через год после того, он собрал на военном поле свое войско для осмотра исправности оружия. Проходя по рядам войска, он подошел к воину, разбившему чашу, и сказал: «Никто не вынес оружия хуже твоего. Ни копье, ни меч, ни топор твой не в порядке». С этими словами, взяв у него топор, бросил на землю. Когда воин нагивался поднять его, король, взмахнув мечем, разрубил ему голову, примолвив: «Вот, что ты сделал с суассонской чашей». Воин упал мертвый, и войско, по повелению короля, разошлось в молчании. Пример этот устрасил непокорных воинов. (Из Григория Турского).

схватить по одиночке и предать смерти тех, которые наиболее отличились разбоем и неповиновением⁷³.

Подобные опустошения, кажется, ознаменовали переход Австразийцев и чрез северные пределы гонтранова королевства, и эта обида, тяжело его оскорбившая, повлекла разлад между им и Сигбертом. С другой стороны, миролюбие нейстрийского короля было непродолжительно; увидев себя вне опасности, он возвратился к своей постоянной мысли и снова обратил жадные взоры на аквитанские города, которыми владел он короткое время. Ссора, возникшая между братьями, казалась ему благоприятным обстоятельством для возобновления своего предприятия; он поспешил воспользоваться случаем, и менее, нежели чрез год по заключении мира, послал сказать Гонтрану: «Пусть брат мой последует за мною, повидаемся, и сообща пойдем на врага нашего, Сигберта». Предложение это было очень охотно принято; оба короля имели свидание, одарили друг друга в знак дружбы и заключили наступательный союз против австразийского брата. Гильперик, в полной надежде на успех, послал к берегам Луары новые войска под начальством сына

⁷³ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

своего, Теодеберта, вторично переправившегося через нее в 575 году, а сам вступил в реймские земли, составлявшие западный предел Австразийского Королевства. Его нашествие сопровождалось такими же опустошениями, как и война Теодеберта в Аквитании; он жег селения, уничтожал жатвы и грабил все, что только можно было взять с собой. Слух об этих хищениях дошел до Сигберта в одно время с известием о составленном против него союзе. Он уже раз просил Гильперика вопреки настояниям своей жены, не хотевшей ни мира ни перемирия с убийцей Галесвинты; теперь негодование его было взрыв человека, простого сердцем, но горячего характером, который вдруг узнает, что его обманули. Он разразился ругательствами и проклятиями. Но этот кипучий гнев, род горячки, припадок, который мог снова утихнуть от покорности врага, не был надежен и не удовлетворял Брунегильду. Она привела в действие все влияние свое на мужа, чтобы вселить в душу его более обдуманную жажду мщения и направить его злобу к единственной цели, братоубийству. «Рассчитаться с злодеем», — таков был вопль сестры Галесвинты. На этот раз, Сигберт ее послушал, и с целью биться на смерть снова воззвал к восточным Франкам и зарейнским народам, призывая их к войне на Гильперика.

Для возбуждения этих людей, так мало сговорчивых к борьбе отчаянной, австрийский король обещал им все: денег, добычи, даже города и земли в Галлии. Он пошел прямо к западу, на помощь реймской области, что избавило его от забот на счет перехода через Сену. При его приближении, Гильперик, избегая битвы, как и в прежнюю войну, отступил вдоль по течению Марны и искал удобной позиции около Нижней Сены. Сигберт преследовал его до самых стен Парижа; но тут остановился, польстившись мыслью завладеть городом, который считался в то время весьма крепким, и устроить в нем склад для военных запасов, а в случае нужды и верное убежище. Как ни благоразумна была такая мысль, однако, повинувась ей, король австразийский поступил дерзко, чего без сомнения не решился бы сделать, если б жажда мщения не заглушила в нем всякого чувства совести и страха.

По смыслу раздельного договора, заключенного восемь лет назад, Париж, размежеванный на три участка, считался городом нейтральным, вход в который воспрещен был каждому из трех сыновей Клотера под самой священной клятвой — под опасением всевозможных религиозных страхов. До сих пор, ни один из братьев не осмеливался преступить клятву и презреть проклятия, призванные на того, кто ее

нарушил. Сигберт на это отважился: он предпочел скорее пожертвовать своей душой, нежели пренебречь единственным средством для успешного достижения своей цели. Париж, действительно, был ему необходим, как опорный пункт, или, употребляя новейшее выражение, как базис дальнейших его действий, смотря по тому, хотел ли он идти на запад против Гильперика, или на юг, против Теодеберта. Итак, вопреки договору, он потребовал сдачи города, и вступил в него без всякого сопротивления, потому что Париж был охраняем только заступничеством святых Полиевкта, Гилария и Мартина⁷⁴.

Учредив свое пребывание в Париже, король Сигберт прежде всего занялся отправлением войск против Гильперикова сына, который, обегая Аквитанию по прошлогодней дороге, вступил уже в Лимож. Полоса земли между городами Туром и Шартром, заключающая в себе области Шатодён и Вандом, принадлежала Австрийскому королевству; Сигберт решился набрать там войско, дабы сбересть тем силы, приведенные им с собой. Вестники его ходили из села в село, призывая всех свободных мужей явиться в назначенном месте, в каком кто мог оружия, от кирасы и копья до

⁷⁴ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229 и 295.

простого ножа и окованной железом дубины. Но ни в городах, ни в окрестностях никто не отвечал на воззвание, и не смотря на пеню в шестьдесят золотых солидов, налагаемую на ослушника королевских повелений, жители Шатодёна, Вандома и окрестностей Тура не вооружались и не покидали жилищ своих⁷⁵. Эти люди знали только одно, что земля их составляет участок Сигберта, и что взимаемые с них подати принадлежат австразийской казне; а так как король, от которого они зависели, не давал им прежде чувствовать своей правительственной власти никаким действием, и как приказание это впервые от него исходило, то они и не обратили на него большого внимания.

Если б такое страдательное сопротивление было продолжительно то оно заставило бы австразийского короля разделить свои силы. Для скорейшего и миролюбивого прекращения этого сопротивления, Сигберт отправил искуснейших своих переговорщиков, Годагизеля, палатного мэра, и Гонтрана, по прозванию Бозе, то есть человека хитрого, пронырливого и сметливого, одаренного, не смотря на свое германское происхождение,

⁷⁵ — Leg. Ripuar., apud script. rer. gall. et franc. т. IV, стр. 248. — Leg. Visigoth, ib., стр. 245.

такой гибкостью ума, которая составляла принадлежность только галло-римского племени. Оба Австразийца успешно выполнили свое поручение и вскоре перешли через Луару с войском, плохо вооруженным, но довольно многочисленным для того, чтоб осмелиться померить силы с Франками Теодеберта⁷⁶.

Эти Франки, и без того сильно напуганные известием об австразийском вторжении, встревожились еще более, когда узнали, что на них идет войско, и что отступление им отрезано. Но Теодеберт, как ни упало духом его войско, решился, как истинный германский вождь идти на встречу неприятелю. Он выступил из Лиможа и шел занять позицию на берегах Шаранты, в восьми или десяти милях от Ангулема; во время этого перехода множество народа разбежалось, так что перед началом битвы он был почти всеми оставлен; не смотря на то, он сражался с большим мужеством и был убит в схватке. Галльские поселяне, составлявшие войско Годегизеля и Гонтрана-Бозе, не питали такого благоговения к потомкам Меровинга, как Франки: без уважения к длинным волосам, отличавшим сына короля Гильперика от прочих, они обобрали его наравне с другими

⁷⁶ Greg. Turon., Hist. Franc., т. II, стр. 229.

трусами и оставили нагим на поле битвы. Но вождь австразийский, по имени Арнульф, убоился такого нечестия и хотя был врагом Теодеберта, однако с почтением поднял тело юного принца, обмыл его по обыкновению и, облачив в богатые одежды, похоронил на собственный счет в городе Ангулеме⁷⁷.

Между тем король Гонтран, вторично уступив наклонности своей к спокойствию, или побуждаемый страхом, примирился с Сигбертом. Гильперик узнал об этой новой измене в одно время с вестью о смерти сына и истреблении аквитанского войска. Приведенный этим двойным несчастьем в совершенное отчаяние и помышляя только о спасении жизни, он оставил берега Сены, поспешно прошел чрез все свое королевство, и укрылся в стенах Турнэ с женой, детьми и преданными ему воинами. Крепкое положение этого города, первобытной столицы франкского государства, побудило Гильперика избрать в нем убежище. В ожидании осады, он занялся набором людей и пополнением боевых запасов, пока Сигберт, свободный в своих движениях по всей Нейстрии, забирал города этого королевства.

Заняв те, которые лежали к северу и востоку

⁷⁷ стр. 230.